

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Цель воспитания – содействовать развитию человека, отличающегося своей мудростью, самостоятельностью, художественной производительностью и любовью. Необходимо помнить, что нельзя ребенка сделать человеком, а можно только этому содействовать и не мешать, чтобы он сам в себе выработал человека. Необходимо, чтобы он выработал идейного человека и стремился бы в жизни руководствоваться этим идеалом.

Главные основания, которых необходимо держаться при воспитании ребенка во время семейной его жизни: 1) чистота, 2) последовательность в отношении слова и дела при обращении с ребенком, 3) отсутствии произвола в действиях воспитателя или обусловленность этих действий и 4) признание личности ребенка постоянным обращением с ним как с человеком и полным признанием за ним права личной неприкосновенности. Цель всякого воспитания – содействовать развитию разумного человека, который был бы в состоянии соединять опыт прошедшей жизни с настоящей и быть в состоянии предвидеть последствия своих действий и отношений к другому лицу, выяснить себе причинную связь наблюдаемых им явлений и творчески предсказывать, в чем именно выражается человеческая мудрость.

Понятно, что такие проявления могут быть только в том случае, когда человек в состоянии сам выработать свою мысль и сам ее применять. Необходимо также, чтобы эти проявления, как и вообще все действия человека, были настолько целесообразны и быстры, а вместе с этим просты и точны, что давали бы возможность увеличивать производительность лица и доводить ее до художественного изящества. Мудрость человека должна содействовать возможности идеализировать общество, ближнего и даже дело, которым человек занят, и этим проявлять свою любовь, так как истинная любовь требует непременно идеализации того, к чему она относится [3, с. 96].

Обыкновенно все замечаемые у ребенка неблагоприятные явления приписывают самому ребенку, говорят даже иногда о врожденной его злостности, не думая и не подозревая, что качества ребенка являются отражением качеств окружающих его лиц. Врожденным у ребенка можно считать только явления, связанные с его темпераментом, т.е. только степень силы и быстроты его размышлений и действий. Затем он переживает имитационный период, во время которого у него складываются его речь, все главные его привычки и обычаи, вообще все типичные его явления. На самом деле ребенок должен являться серьезной причиной совершенствования представителей семьи, в особенности относительно их правдивости, искренности и прямоты: если любящая мать озабочена развитием своего ребенка и из наблюдения знает, как качества последнего слагаются из действий и рассуждений окружающих его лиц, то она несомненно станет зорко следить за всяким своим действием и словом, избегать всякого произвола и всегда щадить личность своего ребенка; этим она, несомненно, будет содействовать собственному своему совершенствованию, а полным соответствием между своим словом и делом непременно приучит и ребенка к правдивости, непосредственности и искренности и этим положит верное основание для развития нравственного характера человека. При изучении человека и условий его образования глубже всего складывается убеждение, насколько сильно влияют не слова, а действия близких лиц на развивающегося ребенка, и насколько любовь к труду, работа и правдивость воспитателя содействуют нравственному развитию ребенка [1, с. 84].

Вследствие недостатка внимания, а главное, вследствие незнания обыкновенно спешат допустить существование врожденных дурных наклонностей, красноречиво толкуют о «неисправимо испорченных» детях, точно эта испорченность явилась сама по

себе и за нее ответственен сам ребенок! Влияние руководства, взрослых как-то всегда остается в тени; и верить не хотят, что «испорченность» ребенка школьного или дошкольного возраста есть результат системы воспитания, за которую расплачивается все-таки один воспитанник. В громадном большинстве случаев не прирожденная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогические ошибки готовят ребенку горькую будущность, оставляя на его личных проявлениях и привычках неизгладимые следы нравственной порчи: умственного бессилия.

Кому не известно, что все дело воспитания (и в семье, и в школе) зачастую сводится к тому, что ребенка нужно «учить», причем под словом «учить» нередко подразумевают: «взыскать», «наказать», «пригрозить» и т.д. Да иначе и быть не может, пока будут поступать совершенно слепо, по рутине, не отдавая себе отчета в каждом шаге; если не «познать себя», не приучиться связывать причину со следствием, то рутинные педагогические приемы принудительного характера, по-прежнему, будут царить в стенах школы, как и в семейном быту...

Обыкновенно предлагают, что ребенка можно и обмануть: ведь он глуп, не разберет; а между тем различие правды и неправды у него слагается именно таким образом, что он приучается проверять слышанное им видимым и осязаемым. Если ему говорят, что «мамы нет дома», а он случайно увидит ее, то он при первом удобном случае, если ему что не понравится, заявит, что его самого нет дома. Чем чаще его обманывают и чем более он встречает в семье несоответствие слова с делом, тем менее выясняются для него признаки правды и тем легче он начинает говорить только то, что ему выгоднее. Необходимо твердо помнить, что ребенок первоначально только и знает впечатления, получаемые органами его чувств, он только им и повинуетя и действует исключительно на основании этих чисто впечатлений; он непременно делает только то, что ему приятно, и избегает всего, что ему в каком-либо отношении неприятно. От ребенка имеют обыкновение все скрывать, но, если он видит, что окружающие пользуются чем-нибудь, а ему не дают, то и он при первом, же удобном случае непременно присвоит интересную для него вещь, раз она плохо лежит, и затем во всяком подобном случае повторит то же самое. Будучи пойман в своих проступках и за то наказан, он, опять же на опыте видит, что необходимо быть осторожнее и что выгоднее пользоваться удобными случаями уже осторожнее, более скрытно. Наказание не может выяснить ему объективных признаков правды, оно только покажет ему, что не попадаться – добро, а попадаться – зло и, имея возможность сделать кому-нибудь зло, он именно так и поступит, как с ним поступали при наказании [3, с. 115].

Кроме простого, всегда искреннего и правдивого слова не могут быть допущены ни в семье, ни в школе никакие поощрения, никакие наказания. Обыкновенно приучают ребенка к искусственному прибавочному раздражению с самого появления его на свет и этим содействуют понижению его впечатлительности и препятствуют нормальному ходу его развития. Младенца носят на руках, его качают. Усыпляют различными однообразными напевами, его целуют, поддельваются под произносимые звуки, - все это оказывается искусственными раздражителями. Когда после всего этого начинается ученье, ребенок оказывается вялым, апатичным, ленивым; на него жалуются за безучастность его к занятиям, между тем как все сделано, чтобы именно понизить его жизнедеятельность, чтобы сделать его апатичным и вялым. Чтобы возбудить его к учению, опять прибегают к искусственным возбудителям в виде похвалы, отметок, подарков и наград. Развивавшаяся при таких условиях апатия вызывает у молодого человека погоню за переменной впечатлительности; кондитерская оказывается предвидением к виновному погребку и кутежам точно так же, как отметки и поощрения развивают стремление к различным спортам, карточной игре и т.п. Человека заедает нестерпимая скука, он готов насладиться всякой травлей и грубым чувственным развлечением, чтобы только заглушить угнетающее его чувство. У него нет внутренней жизни, он не

возбуждается мыслью и не занят умственным своим совершенствованием. Молодого человека укоряют за его грубый и развращенный нрав, совершенно упуская из виду причины, содействовавшие его развитию, забывают, что только условия его семейной и школьной жизни могли способствовать развитию тех типичных явлений, которые у него наблюдаются, что ими убита идейная жизнь и развиты одни животные проявления.

Значение привычек, приобретенных в раннем возрасте, громадно, отделяться от них впоследствии очень трудно, а иногда и не под силу взрослому. При нормальных условиях развития ребенка, когда его не ограничивают постоянными регламентациями, он всегда отличается наблюдательностью, причем сейчас же повторяет подмеченное им действие и затем уже рассуждает над ним. Это самый выгодный способ развития ребенка, который необходимо поддерживать; при этом ребенок более всего останавливается над теми явлениями, которые ему доступны. Он сам их подмечает, они ему не навязаны, соответствует его силам и способностям, и поэтому, он легче их усваивает. В ребенке нельзя искусственно развить наблюдательность, можно только устранить всякие сильные влияния, которые могли бы понизить его впечатлительность; кроме того, можно еще содействовать постепенному видоизменению материала, необходимого для его образования. При всяком искусственном способе, применяемом для возбуждения наблюдательности ребенка, недостает первого момента, и именно: он не сам наталкивается на новые явления, а его внимание останавливают на тех явлениях, с которыми хотят его познакомить. В таком случае легко впасть в ошибку при оценке сил ребенка и его подготовки, между тем всякое такое несоответствие приводит к тому, что ребенок недостаточно усваивает воспринимаемое. Вслед за наблюдением ребенок повторяет то, что произвело на него более сильное впечатление; этим повторением он приучается к различным приемам, употребляемым в обыденной жизни. При искусственном же приучивании к таким приемам и действиям ребенок не сам выбирает производимое им действие, а имитирует требуемое от него: понятно, что и здесь такие требования могут не соответствовать степени физического развития ребенка и умению его производить такие действия [6, с. 42].

После наблюдения и повторения наблюдаемого ребенок обыкновенно охотно рассуждает над значением воспринятого и повторенного им; это драгоценное качество, главным образом, и содействует его образованию, а также ограничению произвола его действий и выяснению личных качеств человека. Обыкновенно находят, что ребенок должен только исполнять обращенные к нему требования, что он должен набирать материал и знания для будущей своей деятельности. С этим никак нельзя согласиться на основании следующего психологического положения: смотря по тому, каким образом человек относится к каким-либо явлениям при первой встрече с ним, соответственно этому скорее всего он будет к ним относиться и впоследствии. Если он в раннем возрасте не приучился рассуждать над своими впечатлениями и действиями, то он впоследствии очень трудно к этому привыкает. Набором знаний он развивает свою память, которую до того изошряет упражнением, что ему легче всего все воспринимать этой умственной способностью; он не привык и не умеет рассуждать, у него знания остаются сырым материалом, который не переварен рассуждением. Без анализа и рассуждения, без проверки своими действиями ребенок лично не знакомится с качествами воспринимаемого, он поэтому сам не в состоянии вывести общих положений, не в состоянии составить общего образа; у него нет общих понятий, он знает, но не понимает. Поэтому самостоятельно видоизменить свои действия он не в состоянии и только повторяет то, что знает, что слышал, что вычитал из книги; у него нет личного характера, а для развития нравственного характера нет условий [1, с. 113-114].

Последовательность в отношении слова к делу при обращении с ребенком составляет очень существенное требование при семейном его воспитании. Необходимо помнить, что ребенок является на свет только, с известной степенью энергии намечены и далеко еще не развиты, они должны постепенно развиваться по мере их приспособления к

работе. Проявления ребенка первоначально исключительно имитационные; вместе с этим он при посредстве своих вопросов узнает условное значение произносимых им звуков, а также приучается отличать влияние на него внешнего мира и то, что происходит в его собственном организме. Из них у ребенка слагаются представления, разъединением и сравнением которых он уже вырабатывает себе критерий для своих действий. Если ребенок подмечает, что никакой последовательности у взрослых нет, то он не в состоянии усвоить себе этого критерия. Его действиям будут случайны, шатки, никаким серьезным основанием не будут руководимы и направляемы. Если ребенку говорят о чем-либо как об уже исполненном, а он на деле видит, что это не так, что это не исполнено, то он предполагает, что можно сказать одно, а сделать другое, не соответствующему слову.

Правдивость не дана человеку готовой, она должна быть приобретена и усваивается первоначально только наблюдением над жизнью окружающих, так же как и речь ребенка. Можно говорить с ребенком, приспособление в произношении может у него остаться на всю жизнь. Все это заставляет взрослого быть очень последовательным во всех своих действиях, за которыми ребенок постоянно следит, усваивает и соответственно этому действует. Правдивость ребенка складывается только из правдивости среды, его окружающей, или, по крайней мере, того человека, к которому ребенок всего на последовательность в действиях, которые у него слагается под влиянием поступков, которые видит. Повторяя то, что на деле он кругом себя замечает, он из этого вырабатывает свои привычки и обычаи; под влиянием этого слагается его тип. Все это указывает на то, насколько существенна для ребенка последовательность и правдивость взрослых, в среде которых он живет во время семейного периода своей жизни.

Признание личности ребенка с самой его сознательной жизни тоже очень существенно, а на это обращают обычно слишком мало внимания при воспитании. Обыкновенно родители полагают, что ребенок – их достояние, их собственность, с которой они могут поступать совершенно безотчетно, как с вещью. Только в том случае они склоняются признать за молодым человеком его личную неприкосновенность, когда он в состоянии жить своим трудом. Но такое отношение к ребенку совершенно неправильно, и ничего подобного допустить нельзя, раз только родители обязаны содействовать развитию человека. Обязанность эта истекает из их прошедшего, они в свое время пользовались тем же, поэтому отдают только свой нравственный долг своему потомству. Чем более человек образован, чем более владеет собой, тем с большей любовью он будет относиться к ребенку, идеализируя в нем человека. С образом человека непременно связано признание его личности и его неприкосновенности, но к этому человек приучается опять же только в молодости; как к нему относились и какое отношение он видел к другим, так и он будет относиться к окружающим. С образованием отношение к людям становится, несомненно, более внимательным, но наибольший след оставляет все же то, что усвоено во время семейного периода развития ребенка. Нужно видеть ребенка, которого никогда никто не оскорблял и не касался его личности, чтобы убедиться в том, насколько он чутко относится к людям и как близко он принимает всякое наносимое оскорбление. Такой ребенок всегда очень впечатлителен ко всему, что на него влияет или возбуждает, он, следовательно, очень наблюдателен, а при такой наблюдательности он легко набирает жизненный опыт.

Если ребенок во время семейной жизни приучился сам наблюдать все окружающее его и повторять то, что соответствует его силам и умению, привык сам рассуждать над тем материалом, который набрал своим наблюдением, и этим развил свою способность мыслить, если никто не сбивал его в усвоении критерия правды, - только тогда при наступлении периода возмужалости он является более подготовленным, так что в состоянии справиться с тем новым возбудителем, который у него является. Он сам отыскивает себе какое-либо любимое дело и отдается ему всей своей молодой и живой душой. В этом периоде не следует сурово относиться к молодому человеку и подвергать

его насильственными действиями и отнимать у него то, что ему лично в это время почему-либо особенно дорого. Будет ли он зачитываться книгами, не отнимать у него эти книги, будет ли он увлекаться тем или другим искусством, техническими работами, не препятствовать ему заниматься этим делом и дать ему возможность развернуть свои силы соответственно его способностям. Точно так же не следует мешать его попыткам писать, заниматься литературным трудом, поэтическими произведениями, не отнимать у него такие произведения и не преследовать его за это, точно так же не восхищаться его произведениями и не придавать им несоответственного значения. Если же он заинтересуется каким-либо отделом естественных наук и если его занятия не состоят только в бесцельном убивании животных или бессмысленном собирании коллекций наравне с собиранием старых марок, то необходимо не только не препятствовать этому, но, напротив, поддержать его в этом по силе возможности.